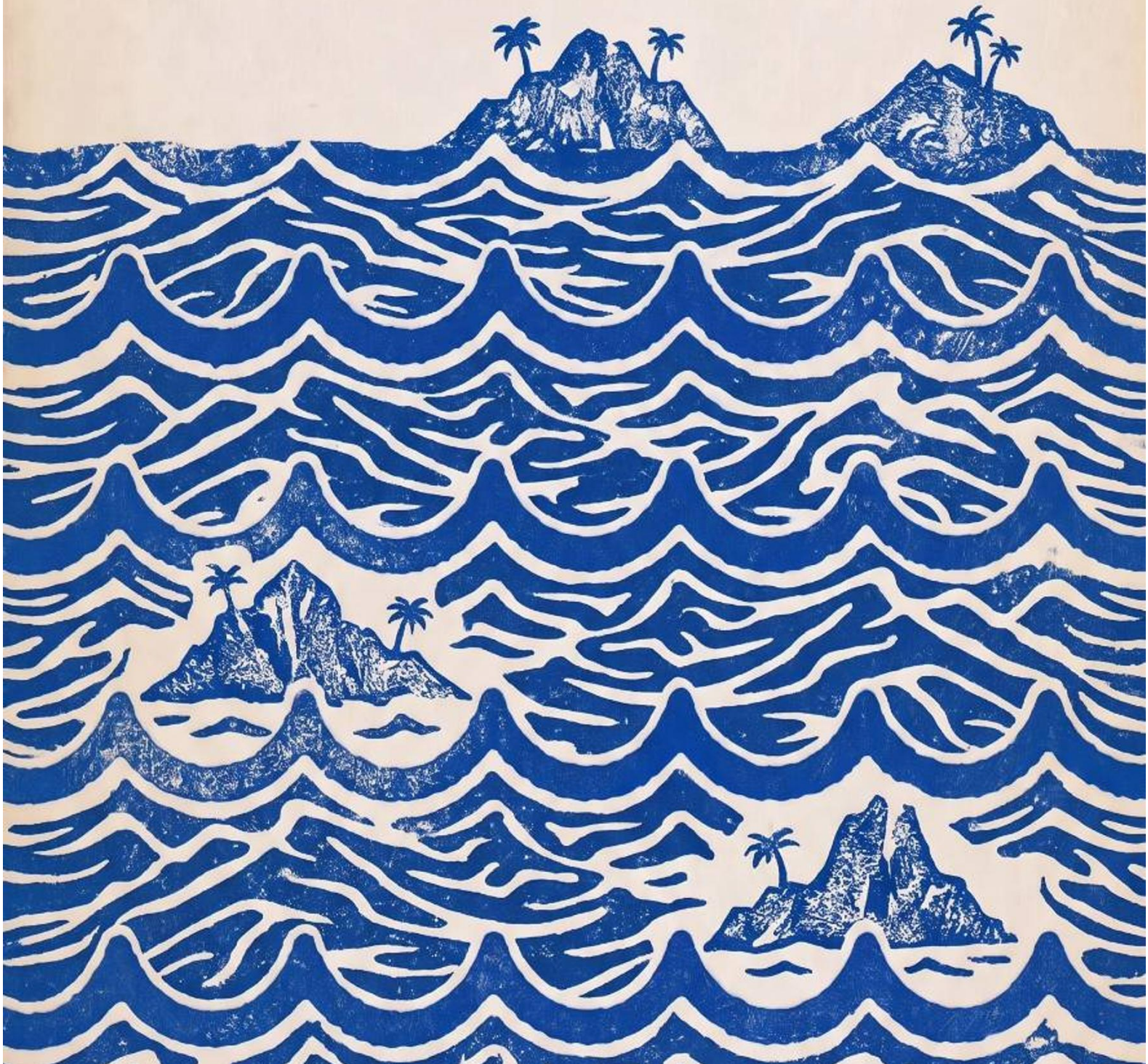
КОСТЫЛЕНКО.МН

ТРИ ОСТРОВА ДО ДОМА



Михаил Костыленко

Три острова до дома

«Автор»
2026

Костыленко М.

Три острова до дома / М. Костыленко — «Автор», 2026

Эйден ушёл на войну десять лет назад и не вернулся. Мира похоронила его в своей голове, Кайл вырос без отца, а порт Морн научился жить так, будто этого человека никогда не было.Но однажды приходит весть: он жив. Идёт домой. Через три острова.Он не помнит почти ничего — только соль на коже, серое море и то, что должен дойти. Мира уже не знает, хочет ли она, чтобы он вернулся. Кайл ещё не решил, простит ли. А сам Эйден идёт, потому что когда-то обещал.«Три острова до дома» — повесть о памяти, которая возвращается кусками, об ожидании, которое становится образом жизни, и о том, что иногда человек всё-таки доходит. Просто на один день позже.

© Костыленко М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Порт Керн 5
Глава 2. Морн 7
Глава 3. Карта отца 9
Глава 4. Письма 11
Глава 5. Шёпот 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Михаил Костыленко
Три острова до дома

Глава 1. Порт Керн

Соль была везде: она лежала на его руках, на воротнике, на ресницах, хрустела на зубах, когда он жевал чёрствый хлеб, и въелась в кожу так глубоко, что Эйден уже не помнил, каким был на ощупь. Порт Керн пах солью, гнилой рыбой и потом. И страхом, который не смывается даже солёной водой. Утро началось с крика чаек и ругани грузчиков. Эйден стоял на причале, сгорбившись под весом ящика с копчёной рыбой, доски скрипели под ногами, а вода плескалась о сваи — тёмная, маслянистая, с радужными разводами от пролитого масла. Справа двое матросов дрались из-за места на барже, слева торговец орал на мальчишку, укравшего горсть орехов. Обычное утро. — Эй, картограф! — крикнул кто-то из грузчиков. — Ты опять спишь на ходу? Эйден не ответил. Он смотрел на море, которое было серым, как и всё здесь. Волны бились о причал с тупым упорством, будто хотели смыть город — и не могли. Керн держался за скалы кривыми улочками, покосившимися домами, бельём на верёвках и чайками на крышах. Люди здесь не смотрели в глаза. Проходили мимо, опустив голову, будто каждый нёс что-то тяжёлое, чего нельзя поставить на землю. Он работал на причале четвёртый месяц. Таскал ящики, чинил сети, подметал рыбьи головы. Платили мало, но хватало на еду и на дешёвое пойло в таверне «Три вёсла», где хозяин, старик по имени Бран, не задавал вопросов. Это было главное. Эйден не любил вопросов. К полудню жара стала невыносимой. Он сел на перевёрнутую лодку, вытер лицо рукавом, пропитанным солью, достал из кармана кусок хлеба и откусил, жуя медленно и глядя на горизонт. Там, за серой водой, был восток. А на востоке — Морн. Если плыть три дня. Если найти судно. Если хватит смелости. Он не был уверен, что хватит. Вечером, когда причал опустел, он зашёл в «Три вёсла» — низкую, тёмную таверну, пропахшую пивом и жареным луком. За стойкой стоял Бран, сухой старик с обветренным лицом и руками, похожими на корни. Он кивнул Эйдену, налил кружку. — Как море? — спросил Бран. — Серое. — Всегда серое. — Бран вытер стойку тряпкой. — Ты сегодня какой-то не такой. Эйден отпил пива, которое было тёплым и горьким. — Какой? — Смотришь в одну точку. Как будто что-то решаешь. Эйден промолчал. Бран не настаивал — он был из тех, кто умеет молчать. Это Эйден в нём и ценил. — Слышал, «Немая звезда» уходит утром, — сказал Бран, будто между прочим. — На восток, через три острова. Эйден поднял глаза. — До Морна? — До Морна. — Бран посмотрел на него внимательно. — А тебе зачем Морн? Эйден не ответил. Допил пиво, поставил кружку. Бран вздохнул. — Ладно. Не хочешь — не говори. Но если поплывёшь — найди капитана Хольта. Скажи, что от меня. Он возьмёт. Эйден кивнул. Встал. У двери обернулся. — Спасибо, Бран. — Не за что. — Старик помолчал. — Только не пей там. На востоке. Там пьют больше, чем здесь. Эйден вышел в ночь, где воздух был холодным и солёным, и поднялся в свою каморку над складом — маленькую комнату с койкой, столом и сундуком, в котором лежали старые вещи. Он редко его открывал. Но сегодня что-то тянуло: может, соль, может, усталость, может, то самое чувство, которое он гнал от себя три года. Он открыл сундук. Сверху лежала карта. Не та, что он рисовал для армии. Другая. Морн. Его остров. Его дом. Он провёл пальцем по линиям — берег, причал, холм, где стоял их дом, — и память отозвалась медленно, как старый шрам на погоду. — Мира, — сказал он вслух. Имя прозвучало чужим. Он нахмурился. Попробовал ещё раз. — Мира. Нет, не то. Он помнил её лицо — смутно, как сквозь мутное стекло. Помнил, как она смеялась. Помнил, как клала руку ему на плечо. Но имя выскальзывало, как рыба из ладоней. Он закрыл глаза. Сжал карту. «Мира. Мира. Мира». Три раза. Как молитву. Как приказ. Имя вернулось. Но с ним вернулось

и другое — страх. Не перед морем. Не перед дорогой. Перед тем, что ждёт на берегу. Перед тем, кем он стал. Он посмотрел на свои руки. Грубые, в мозолях, с сорванными ногтями. Руки грузчика. Не картографа. Не мужа. Не отца. — Ты не вернёшься, — сказал он себе. — Ты не сможешь. Но карта уже лежала на столе. И море уже шумело за окном. И где-то там, за серой водой, был остров. Его остров. Его дом. Его семья. Он достал из-под койки бутылку. Отпил. Поморщился. Посмотрел на карту ещё раз. — Ладно, — сказал он. — Ладно. Утром он нанялся на судно «Немая звезда». Курс — на восток. Через три острова. До Морна.

Глава 2. Морн

Мира стояла на причале, когда пришло письмо. Мальчишка-посыльный сунул ей в руку клочок бумаги, сложенный вчетверо, без подписи и без обратного адреса, и убежал, не попрощавшись. Она развернула его и увидела кривые буквы, написанные на коленке, в спешке: «Он жив. Идёт домой». Мира стояла долго. Ветер трепал бумажку, вырывал из пальцев, а она сжимала крепче. «Он жив». Кто — он? Она знала ответ. Но не хотела знать. Потому что знать — значит надеяться. А надеяться — значит бояться. Она сунула письмо в карман. Не выбросила. Это уже было ошибкой. Порт Морн был не таким, как Керн. Здесь не было гнили и запустения. Здесь чинили причалы, белили стены, сажали цветы в ящиках на подоконниках. Мира сама всё это устроила за три года. Чинила то, что осталось после войны. Делала вид, что всё в порядке. И ждала. Война закончилась три года назад. Но для Миры она не закончилась. Война забрала соль, соль забрала торговлю, торговля забрала людей — а люди забрали её мужа. Эйден ушёл на войну десять лет назад, когда Кайлу было четыре. Обещал вернуться через год. Она тогда стояла на этом самом причале, держала Кайла за руку, и смотрела, как судно уходит на запад. Эйден стоял на палубе с картой в руках, в форме военного картографа, и кричал что-то, что ветер уносил. Она не слышала слов. Только тон. Он обещал вернуться. Он не вернулся. Потом были письма. Редкие, короткие. «Я жив. Рисую карты. Война скоро кончится». Она читала их по десять раз, складывала в шкатулку, ждала следующего. А потом письма прекратились. И пришёл Селвин — раненый, усталый, с новостью: «Эйден погиб». Она не поверила сразу. Но шли месяцы, годы. Кайл рос без отца. Город требовал решений. И она начала верить. Потому что так было проще. Потому что ждать было невыносимо. Она похоронила его в своей голове, поставила памятник, научилась говорить «мой покойный муж» без дрожи в голосе. И только ночью, когда никто не видел, доставала шкатулку и перечитывала письма. — Хозяйка! — окликнул её старшина порта, толстый мужик с обветренным лицом. — Торговцы из Керна прибыли. Спрашивают, где можно встать. — На третьем причале, — ответила Мира, не оборачиваясь. — И скажи им, чтобы не блокировали проход. В прошлый раз блокировали. — Сделаю. Она прошла дальше. У склада её ждал Селвин — стоял, прислонившись к стене, с планшетом в руках. Вечно с планшетом. Вечно с бумагами. Вечно с умным видом. Увидев Миру, он улыбнулся. Улыбка была тёплой, привычной. Когда-то эта улыбка её успокаивала. Теперь — нет. — Как дела? — спросил он. — Нормально. Торговцы из Керна. — Знаю. Я уже распорядился. — Он посмотрел на неё внимательнее. — Ты какая-то не такая. Мира промолчала. Селвин не настаивал — он был из тех, кто умеет чувствовать границы. Это Мира в нём и ценила. Раньше. — Кайл где? — спросила она. — На чердаке. Опять с картами. Мира вздохнула. Кайл проводил на чердаке всё свободное время. Разбирал старые вещи Эйдена. Искал что-то. Что — она не знала. Или знала, но боялась признаться. — Пусть сидит, — сказала она. — Хоть чем-то занят. Они прошли к соляному складу — длинному каменному сараю с низкой крышей, где грузчики таскали мешки. Мира остановилась в дверях, глядя, как серые кристаллы блестят на солнце, проникающем сквозь щели в стенах. Воздух здесь был сухим, тяжёлым. Соль хрустела под ногами, как первый снег. У стены сидел старый моряк по имени Тэм — сухой, как вобла, с руками, покрытыми белыми шрамами от соли. Он чинил сеть, но, увидев Миру, отложил её в сторону. — Дочка, — сказал он, щурясь. — Ты бы отдохнула. Вон, тени под глазами, как у меня под старость. — Отдохну, Тэм. Когда соль подешевеет. — Не подешевеет, — вздохнул старик. — Южане опять пролив перекрыли. Ты бы поговорила с Селвином. Он мужик умный. Пусть договорится. — Поговорю, — сказала Мира, хотя знала, что не поговорит. И Тэм знал, что она не поговорит. Но оба сделали вид, что поверили. Тэм помолчал. Потом сказал тише: — Я твоего отца помню. Он тоже так стоял. Руки в боки, глаза злые. Всё думал, что один всё вытянет. Мира не ответила. Она помнила отца смутно — большого,

шумного, с солью в бороде. Он умер, когда ей было двенадцать. Утонул. Море забрало его так же, как забирало всех в Морне — без предупреждения. — Он бы тобой гордился, — сказал Тэм. — Порт держишь. Соль считаешь. Кайла растишь. — Он бы сказал, что я слишком много работаю, — сказала Мира. — И это тоже, — улыбнулся старик. — Но гордился бы. Это точно. Мира посмотрела на него. Впервые за день ей захотелось улыбнуться. — Спасибо, Тэм. — Не за что, дочка. — Он снова взялся за сеть. — Только не забывай отдыхать. А то свалишься, и кто тогда порт держать будет? Мира не ответила. Она пошла дальше, к дому, где её ждал Кайл и карта, и письмо в кармане, и страх, который она гнала от себя весь день. — Хозяйка, — сказал старший грузчик, вытирая руки о штаны. — Вчерашняя партия ушла в Керн. Осталось двенадцать мешков. — Двенадцать? — Мира нахмурилась. — Я заказывала двадцать. — Так и было. Но половину забрали южане. Сказали, пошлины. — Пошлины, — повторила Мира. Слово оставило горький привкус во рту. — Покажи накладную. Грузчик достал из-за пазухи помятую бумагу. Мира пробежала глазами по цифрам. Всё сходилось. Но сходилось неправильно. Южане брали больше, чем имели право. А жаловаться было некому — Северный союз давно перестал защищать своих. Она сунула накладную в карман, где уже лежало письмо. На секунду ей показалось, что бумаги шевелятся, как живые. — Продолжайте, — сказала она. — Вечером пересчитаем. Она вышла на воздух. Селвин ждал у дверей, проследил за её взглядом, направленным на мешки. — Цена на соль выросла, — сказал он. — Южане опять перекрыли пролив. — Насколько? — На треть. Если так пойдёт, к зиме будем покупать у Керна. — Керн — не Морн, — сказала Мира. — Мы не будем зависеть от Керна. — Тогда нужно договариваться с Югом. А Юг не хочет договариваться. Юг хочет войну. Мира промолчала. Он был прав. И она ненавидела его за это. Вечером, когда порт опустел, она поднялась в дом. Кайл сидел на чердаке, скрестив ноги, над картой. На карте были мелкие аккуратные пометки почерком Эйдена. Мира узнала бы этот почерк из тысячи. Она стояла в дверях, не решаясь войти. — Мам, — сказал Кайл, не оборачиваясь. — Он жив. Мира замерла. — Что? — Папа. Он жив. — Кайл поднял голову. Глаза у него были взрослые, усталые. Не такие, как у четырнадцатилетнего. — Я знаю. Я чувствую. — Кайл… — Не говори «нет». — Он встал. — Ты всегда говоришь «нет». Ты похоронила его, а он живой. Мира почувствовала, как что-то сжалось в груди. Хотела сказать: «Я не хоронила. Я ждала». Но вместо этого сказала: — Ты не знаешь, что такое ждать. Кайл посмотрел на неё долго. — А ты не знаешь, что такое не знать отца. Он вышел. Мира осталась одна. Достала из кармана письмо. Смотрела на кривые буквы. Впервые за три года ей захотелось плакать. Но она не заплакала. Кто-то должен был держать город. Кто-то должен был держать себя. Ночью она достала старую фотографию. Эйден на ней улыбался — редкость. Он редко улыбался. Она смотрела на фотографию и говорила вслух: — Если ты вернёшься — я тебя убью. Если не вернёшься — тоже. Она плакала тихо, чтобы Кайл не слышал. Но Кайл слышал. Он стоял за стеной, сжимал кулаки и думал: «Я найду тебя, отец. Даже если ты не хочешь, чтобы тебя нашли».

Глава 3. Карта отца

Кайл нашёл карту случайно. Он лазал по чердаку уже третий месяц, разбирал старые вещи: коробки с бумагами, сломанные компасы, засохшие чернильницы. Всё это пахло отцом. Не духами, не табаком — чем-то другим. Пылью, морем, чем-то ещё. Кайл не мог объяснить. Но знал: это запах отца. Карта лежала на дне сундука. Не та, что висела на стене в гостиной — большая, красивая, с гербом Морна. Другая. Маленькая, потрёпанная, с загнутыми углами. Кайл развернул её и увидел Морн, берег, причал, холм, дом. И пометки — мелкие, аккуратные. Отец рисовал эту карту, когда ещё не ушёл на войну. Или после. Не важно. Важно было другое: на одной из линий был рисунок. Маленькая детская рука. Кайл замер. Он узнал эту руку. Его собственную. Отец обвёл его ладонь и подписал: «Кайл, 2 года». Кайл смотрел на рисунок и чувствовал, как что-то горячее подступает к горлу. Он жив. Он думал о нём. Он рисовал его руку. Он вспомнил, как ему рассказывали об отце: герой, картограф, спас людей на войне. Но он не помнил его лица. Только по фотографиям. Только по рассказам Миры, которая говорила о нём с такой тоской, что Кайл перестал спрашивать. Он вспомнил, как в детстве спросил: «Почему папа ушёл?» — и она ответила: «Из-за соли». Он не понял. Как из-за соли можно уйти на войну? Соль была в каждой кухне, в каждой рыбе, в каждой слезе. Только потом, когда вырос, он понял: соль — это не приправа. Это деньги. Власть. Смерть. Он вспомнил, как Селвин приходил к ним в дом. Помогал Мире. Учил Кайла чинить сети и читать карты. Кайл любил его, как дядю. Но теперь, глядя на карту, он понял: Селвин занял место отца. А отец был жив. И это было неправильно. Он вспомнил, как год назад спросил Селвина: «А каким был папа?» — и Селвин ответил: «Он был хорошим человеком, Кайл. Но война меняет людей». Кайл тогда не понял, что это значит. А теперь понял. Селвин знал, что отец жив. И молчал. Кайл сжал карту. Спустился вниз. Мира и Селвин сидели за столом. Увидев Кайла с картой в руках, Мира побледнела. — Где ты это взял? — На чердаке. — Кайл положил карту на стол. — Он жив. Он думал о нас. Он рисовал мою руку. Селвин потянулся к карте. Кайл отодвинул её. — Не трогай. — Кайл, — сказала Мира тихо. — Это не то, что ты думаешь. — А что это? — Кайл повысил голос. — Что это, мам? Ты говорила, он погиб. Ты говорила, его нет. А он жив. Он рисовал мою руку. Он думал обо мне. А ты… ты похоронила его. — Я не хоронила! — Мира встала. — Я ждала! Три года! Я ждала, а он не пришёл! Что я должна была думать? — Что он жив! — закричал Кайл. — Что он идёт! Что он вернётся! — Он не вернулся! — закричала Мира. — Три года, Кайл! Я ждала каждый день. Каждый день смотрела на горизонт. И что? Ничего. Ни письма, ни знака. А теперь ты говоришь, что он жив? Откуда ты знаешь? Кайл посмотрел на неё. Потом на Селвина. Селвин сидел тихо. Сложив руки на столе. Слишком тихо. Слишком спокойно. — Ты знал, — сказал Кайл. Селвин поднял глаза. — Что? — Ты знал, что он жив. — Кайл, — сказала Мира. — Прекрати. — Он знал, — повторил Кайл. — Посмотри на него. Он не удивлён. Он не спрашивает, откуда карта. Он знал. Селвин молчал. Молчал слишком долго. Мира перевела взгляд с Кайла на Селвина. Что-то в её глазах изменилось. — Селвин? — сказала она. — Это правда? Селвин открыл рот. Закрыл. Открыл снова. — Я… я не знал, что он жив. Я знал, что он… не погиб. Мира отшатнулась. — Что? — Он не погиб, — сказал Селвин тихо. — Он ушёл. После отступления. Он не вернулся в часть. Он… дезертировал. — Дезертировал? — Мира смотрела на него, как на чужого. — Ты сказал мне, что он погиб. — Я сказал тебе то, что ты хотела услышать. — Что я хотела услышать? — Мира повысила голос. — Я хотела услышать правду! — Правду? — Селвин встал. — Правду о том, что твой муж бросил армию? Бросил тебя? Бросил сына? Ты этого хотела? Мира замолчала. Кайл смотрел на них обоих. Потом сказал тихо: — Я найду его. Мира обернулась. — Нет. — Я найду его, — повторил Кайл. — Даже если ты запретишь. Он вышел из дома. Мира бросилась за ним. Селвин схватил её за руку. — Пусть идёт, — сказал он. —

Он вернётся. Мира вырвала руку. — Не смей мне указывать. Она вышла на крыльцо. Кайл уже был на улице. Шёл к причалу. Мира смотрела ему вслед и чувствовала, как что-то рвётся внутри. Она достала письмо из кармана. «Он жив. Идёт домой». — Если ты вернёшься, — прошептала она, — я тебя убью. Но в глубине души она знала: она не убьёт. Она обнимет. И никогда не отпустит.

Глава 4. Письма

Я перехватил письмо на почте — не официально, конечно, а через мальчишку-посыльного, который за пару монет соглашался «потерять» любую бумагу, если она не касалась налогов. Письмо было тонким, сложенным втрое, с кривым адресом: «Морн, порт, дом Вейлов». И я узнал почерк сразу, хотя не видел его три года. Аккуратные, чуть наклонённые буквы, которые Эйден выводил с таким старанием, будто каждая была картой. Я не вскрыл письмо при посыльном. Дождался вечера, заперся в своей каморке над портовой конторой, зажёг лампу. И только тогда сломал печать. Внутри был один лист, исписанный с двух сторон. Я читал медленно, водя пальцем по строчкам, как будто мог остановить их, если они скажут что-то не то. «Мира, я жив. Не знаю, дойдёт ли это письмо, но я жив и иду домой. Я не вернулся в часть после отступления — не могу объяснить, почему, — и теперь меня будут искать. Я не прошу прощения, потому что не заслужил. Я прошу только: скажи Кайлу, что я не герой. Пусть не ждёт героя. Пусть ждёт человека. Я иду. Эйден». Я дочитал. Положил лист на стол. Долго сидел, глядя на пламя лампы. Потом взял лист, поднёс к огню и держал, пока пламя не лизнуло пальцы. Бумага скрутилась, почернела. На пол упал обугленный уголок, который я не смог сжечь до конца. Тот самый, где было написано «Я иду». Я поднял его, положил в карман и сказал вслух, тихо, в пустую комнату: — Прости. А потом закрыл глаза. И память вернула меня на три года назад. На соляную дорогу. Где всё началось. Мы отступали третий день. Вода кончилась ещё утром. Дорога была белой от соли, и соль хрустела под сапогами, как битое стекло. Солнце висело прямо над головой. Не было ни дерева, ни тени, ни единого места, где можно было спрятаться. Я шёл впереди — потому что был младшим офицером и потому что должен был показывать пример. Эйден шёл сзади — потому что был картографом и потому что ему всегда нужно было остановиться, чтобы что-то записать. — Эйден, — сказал я, оборачиваясь. — Брось карту. Мы не дойдём. — Нам нужно знать, где обрыв, — ответил он, не поднимая головы. — Если мы не знаем, где обрыв, мы туда свалимся. — Мы свалимся, если не пойдём быстрее. — Мы свалимся, если не будем знать, куда идём. Я не стал спорить. Знал: он прав. И ненавидел его за это. Он всегда был прав. Всегда рисовал свои карты. Всегда останавливался, чтобы записать холм, овраг, поворот дороги. Из-за этого мы отставали. Из-за этого южане почти нас нагнали. Я слышал их позади — топот, крики, лязг. С каждой минутой они становились ближе. Я знал: если мы не бросим всё и не побежим, то не добежим. — Эйден, — сказал я. — Они близко. — Знаю. — Бросай карту. — Нет. Я схватил его за рукав. Потянул. Он посмотрел на меня так, будто я предал его. А может, и предал. И сказал: — Иди. Я догоню. И я отпустил рукав. И побежал. Я не оборачивался. Боялся увидеть его лицо — и вернуться. Я бежал, пока не кончилась дорога, пока не показались стены форта, пока не упал на колени у ворот и не сказал: «Эйден остался». Мне не поверили. Мне сказали: «Он картограф. Он знает, что делает». Я кивнул. Пошёл спать. На следующее утро мне сказали, что южане ушли, а Эйдена не нашли. Ни мёртвым, ни живым. Просто не нашли. Я вернулся в Морн через месяц. Раненый, усталый, с пустотой в груди. Мира встретила меня на причале. Я увидел её лицо и понял, что не могу сказать правду. Поэтому сказал: «Эйден погиб». Она заплакала. А я стоял и смотрел, как она плачет, и думал: «Так проще». Это было первое предательство. Второе случилось через неделю. Она попросила меня помочь с портом. Я согласился. Через месяц уже распоряжался грузами. Через полгода — ценами. Через год — людьми. Я говорил себе, что помогаю. Что город без меня рухнет. Что Мира не справится одна. И это было правдой. Но правдой было и другое: я привык. Привык к власти, как привыкают к тёплой воде. И когда Кайл подрос и начал спрашивать об отце, я говорил: «Он был хорошим человеком. Но война меняет людей». И сам верил в это. Потому что так было проще. А теперь я сидел в пустой каморке, сжимал обугленный уголок письма и думал: «Он идёт». И понимал: когда он дойдёт, всё рухнет. Не

потому, что он потребует власть. А потому, что он просто будет здесь. Живой. И все увидят, что я врал. Я подумал о Мире, о Кайле, о городе, о себе — и не нашёл ни одного решения, которое было бы честным. Я достал из-под стола бутылку. Отпил. Сказал вслух: — Прости, Эйден. Я не хотел. Но в глубине души я знал: хотел. Хотел, чтобы он не возвращался. И это было хуже, чем ложь.

Глава 5. Шёпот

Первый остров назывался Сейл — маленький, тихий, с двумя причалами и одной таверной, где подавали рыбный суп и кислое вино. Эйден сошёл на берег утром, когда туман ещё лежал на воде, и сразу почувствовал, что здесь что-то не так: не опасность, не угроза, а что-то другое, от чего у него заныло под ложечкой, как перед дождём, когда воздух становится тяжёлым и птицы замолкают. Сейл был не таким, как Керн. Керн был шумным, грязным, живым — там дрались, торговались, орали, и даже в самом тихом углу слышался чей-то голос. Сейл молчал. Не так, как молчит уставший человек, а так, как молчит дом, из которого уехали жильцы: тишина была плотной, осязаемой, как будто кто-то накрыл остров одеялом и забыл снять. Дома здесь стояли крепкие, каменные, с черепичными крышами, но окна были закрыты ставнями, а на дверях висели замки — не ржавые, не брошенные, а свежие, смазанные, как будто люди ушли недавно и собирались вернуться. На некоторых дверях висели пучки сушёной полыни, и Эйден знал, что так делают, когда хотят отогнать что-то — не болезнь, не воров, а что-то другое, чему нет названия. Улицы были пустыми, и только у колодца сидела собака — старая, худая, с облезлой шерстью, — и смотрела на Эйдена так, как будто ждала, что он уйдёт. Люди ходили по улицам медленно, опустив головы, и не смотрели друг на друга, а когда Эйден проходил мимо, они отступали в сторону, как будто он был не человеком, а тенью, которая может что-то забрать. Даже чайки здесь кричали тише, и их крик был не резким, а каким-то приглушённым, как будто они боялись нарушить тишину. Эйден прошёл по причалу, чувствуя, как доски пружинят под ногами, и остановился у таверны — единственного места, где горел свет. Вывеска над дверью была старой, выцветшей, и на ней едва читалось: «У Соны». Он толкнул дверь и вошёл. Внутри пахло рыбой, дымом и чем-то ещё — травами, горькими и пряными, как полынь. Таверна была маленькой: шесть столов, стойка из тёмного дерева, полка с бутылками, камин в углу, где тлели угли и висел чугунок с водой. На стенах — сети, раковины, старый компас без стрелки. За стойкой стояла женщина. Эйден увидел её со спины — тёмные волосы, собранные в узел, широкие плечи, руки, которые что-то резали на доске, — и замер, потому что знал эти руки, знал этот узел, знал, как она поворачивается: чуть вбок, сначала голову, потом плечи. Она повернулась. Это была не Мира. Конечно, не Мира. У неё было другое лицо — шире скулы, тоньше губы, шрам на подбородке, которого у Миры никогда не было, — и глаза были не серые, а карие, и голос, когда она заговорила, был ниже и грубее. Но что-то в ней было от Миры. Что-то в том, как она держала нож — чуть наклонив, как будто резала не рыбу, а что-то живое. Как смотрела — прямо, без улыбки, но и без враждебности. Как молчала — не заполняя паузу словами, а позволяя ей быть. — Чего надо? — спросила она. Голос был не Мирин. Но интонация — та же. Та же манера ставить ударение на первое слово. Та же пауза перед ответом. — Суп, — сказал Эйден. — И вина. Она кивнула, налила вина, поставила на стойку. Эйден сел за стол у окна, где туман за стеклом был плотным, как вата, и в нём угадывались очертания чего-то — лодок, сетей, людей, — но всё расплывалось, теряло форму, как будто мир за окном был не совсем настоящим. Он смотрел на туман и чувствовал, как что-то в груди сжимается, потому что он уже видел этот туман, уже сидел у этого окна, уже пил это вино. «Не выдумывай, — сказал он себе. — Ты никогда здесь не был». Но чувство не проходило. Оно было как заноза — маленькая, но сидящая глубоко, и чем больше он думал о ней, тем сильнее она болела. Её звали Сона. Он узнал это случайно — кто-то окликнул её из кухни. Сона. Не Мира. Сона. Но когда она принесла суп и поставила перед ним, он поймал себя на том, что смотрит на её руки: те же широкие ладони, те же короткие ногти, та же манера держать поднос — чуть наклонив, чтобы не расплескать. Он смотрел на её руки и вспоминал руки Миры — как они держали нож, как чинили сети, как гладили его по волосам. И чем больше он смотрел, тем сильнее становилось чувство, что он уже был здесь, уже видел всё это,

уже переживал. — Ты долго смотришь, — сказала она. — Прости, — сказал Эйден. — Ты похожа на одну женщину. — На жену? Он поднял глаза. Она смотрела на него спокойно, без насмешки, как будто знала ответ. — На жену, — сказал он. — Она далеко? — Далеко. — И ты идёшь к ней? Эйден помолчал. Отпил вина. Вино было кислым. — Иду. Сона кивнула. Не сказала «молодец». Не сказала «сочувствую». Просто кивнула и отошла к стойке, и это было хуже всего, потому что Мира кивала точно так же. Вечером в таверну зашли двое — старик с собакой и молодой парень с перевязанной рукой. Они сели в углу, заказали суп и вино, и Эйден услышал, как старик сказал: — Опять туман. Третий день. — И что? — спросил парень. — А то, что в тумане люди пропадают. В прошлом месяце трое ушли на тот берег и не вернулись. — Может, утонули. — Может, и утонули. — Старик помолчал, погладил собаку по голове. — А может, и нет. Может, их туман забрал. Парень усмехнулся, но как-то неуверенно. Эйден слушал и чувствовал, как что-то холодное ползёт по спине. Он посмотрел на Сону. Она стояла у стойки, вытирала кружки и делала вид, что не слушает, но слушала — он видел, как её руки на секунду замерли, как она нахмурилась, как быстро отвела глаза. — Ты знаешь, что это за туман? — спросил Эйден, когда она подошла забрать тарелку. Сона посмотрела на него. Долго. — Это не туман, — сказала она тихо. — Это шёпот. Он приходит раз в несколько лет. Люди слышат в нём голоса тех, кого потеряли. Тех, кого хотят услышать. И идут на голос. А потом не возвращаются. — А ты слышала? Она не ответила. Забрала тарелку и отошла. Ночью Сона предложила ему остаться. Не прямо. Она сказала: «У меня есть комната наверху. Пустая. Можешь переночевать». Эйден согласился, потому что устал, потому что хотел спать, потому что не хотел думать. Комната была маленькая, чистая, с окном на море. Туман за окном сгустился, стал плотным, как вата, и Эйден слышал, как внизу Сона моет посуду: стук тарелок, плеск воды, тихое пение — она пела что-то без слов, просто мелодию, и эта мелодия была знакомой. Мира пела так же. Без слов. Просто мелодию. Эйден закрыл глаза. И услышал шёпот. Не из окна, не из-за стены — изнутри, из головы. Голос Миры. «Эйден. Эйден, вернись». Он открыл глаза. В комнате никого не было. Шёпот стих. Но он знал, что это было. Он уже слышал этот шёпот раньше — в Керне, когда пил, в море, когда смотрел на воду. Это был голос, который звал его домой. Или голос, который звал его в никуда. Он сел на койке. Посмотрел в окно. Туман начал расходиться. За ним было море. Серое. Холодное. И где-то там, за морем, был Морн. Или не было. Он уже не помнил. Он помнил только руку. Маленькую детскую руку, которую он обвёл на карте. «Кайл, 2 года». Он помнил, как держал его на руках, как подбрасывал вверх, как Кайл смеялся. Он помнил, как обещал вернуться. И это было единственное, что осталось. Утром он спустился вниз. Сона стояла у стойки. Смотрела на него. Ждала. — Уходишь? — спросила она. — Ухожу. Она кивнула. Не удивилась. Как будто знала. — Ты уже забыл её, — сказала она. — Зачем возвращаться? Эйден посмотрел на неё. Долго. — Потому что я обещал. — Кому? — спросила она. — Ей? Или себе? Эйден не ответил. Он положил на стойку монеты. Взял сумку. Пошёл к двери. — Эйден, — сказала она вдруг. Он обернулся. Она впервые назвала его по имени. Он не помнил, чтобы называл его. — Что? — Ты уже забыл, как она выглядит, — сказала Сона. — Ты забыл её лицо. Ты забыл её голос. Ты помнишь только, что должен вернуться. Может, этого достаточно. Может, нет. Но если ты дойдёшь и не узнаешь её — это будет хуже, чем если ты не дойдёшь вовсе. Эйден смотрел на неё. В горле было сухо. — Я знаю, — сказал он. Он вышел. Туман расступился. Море было серым. Он пошёл к причалу, где ждало судно. «Немая звезда» уходила через час. Второй остров. Дом-ловушка. Он ещё не знал, что там его ждёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.